

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
В город — на экспрессе.....	11
Выходим за пределы своего «я».....	37
Привет капитализму.....	63
Прощай, национальное государство?	77
Глобальная встряска: побеждают города.....	99
Прелесть дикого знания	117
Обретаем дикое знание.....	137
Урбанисты.....	151
Больше экспериментов.....	167
Эмпатия — твердая валюта.....	179
Сотрудничать, а не соревноваться.....	197
Когда в политике всё решают симпатии.....	209
Урбанистический бизнес.....	229
Город, современные волшебники и чудесный случай.....	245
Все всегда начинается ближе к концу.....	259
Правила города.....	267

ПРЕДИСЛОВИЕ

И вдруг идея обретает воплощение. Это странно. Удивительно. Порой кажется, что непостижимо. Наверное, так все и появляется на свет. Ребенок, бизнес, политическая партия. Большую роль играет случай. А потом мы долгие годы пытаемся понять, как же это все получилось.

Вот у нас получилась книга о городах, женщинах и знании.

Наши мечты о хорошей жизни нашли отражение в экономике. Представления сошлись с реальностью. Человек с опытом в коммуникациях и политике встретил экономиста, и картинка внезапно сложилась: город как причина — и как следствие. Все указывает на наши города. Вот они — все как на ладони. Бурлящая смесь из самых крайних крайностей, которые мы, люди, породили. Надежда и безнадежность — бок о бок. Место, в котором трудно чувствовать себя как дома. Особенно в эпоху, когда у нас есть доступ к дешевой, эффективной и повсюду представленной коммуникационной технологии. Мы можем выбирать и где угодно «пускать корни». Однако именно город стоит во главе и в центре нашей эпохи. Это своего рода большая виртуальная семья, в которую вошло более половины населения земли. И это только начало. Дальше будет много больше.

Прогресс мчится вперед на скоростном поезде. Мы уже проехали последнюю станцию. В сельской местности живет менее половины населения планеты. Город стал

естественной средой обитания человека. И миграция в города не единственный груз в нашем экспрессе. Города меняют нашу жизнь быстрее, чем раньше. Конкуренция. Потребность в новых знаниях. Старый уклад жизни и способы ее организации просто вынуждены уступить место новым. Женщины с их интеллектуальным багажом и большей продолжительностью жизни выходят на первый план — и города феминизируются. Город как среда обитания и город как движущая сила — Urban Express.

Некоторые верят, что можно предсказать будущее. Такие были всегда. Нам страшно хочется знать, что нас ждет. В 1992 г. Фрэнсис Фукуяма опубликовал свою нашумевшую книгу «Конец истории и последний человек»¹. Конец истории. Он подразумевал, что западную либеральную демократию можно считать финальной точкой развития человечества. По мнению Фукуямы, нет никаких сомнений, что мы все рано или поздно к ней придем.

Позже мы докажем, что он отчасти прав. Мы все живем внутри системы. Но кое в чем он ошибался. Вопреки его гипотезе, мы сейчас находимся скорее на стадии *конца будущего*. Конечно, будущее не закончилось. Просто оказалось, что оно такое, каким было всегда, — совершенно непредсказуемое. И здесь не помогут ни кофейная гуща, ни оракулы, ни суперкомпьютеры. Так что эта книга не о будущем. Она скорее коллаж настоящего: мы пытаемся сложить вместе элементы нынешней эпохи так, чтобы получилась

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. — М.: АСТ, 2015.

целостная картинка. И одно это уже непростая задача. Хотя и довольно увлекательная.

Вывод таков: мы живем в новом мире, но наше сознание пока еще находится под влиянием вчерашнего мировоззрения. Согласно старым представлениям, главные фигуры на мировой арене — это государства, а вся наша жизнь контролируется мужчинами. Высоко ценится традиционное знание, которому можно целенаправленно обучиться, а экономика строится на личной выгоде. Политика определяется борьбой левых и правых. Но мы покажем, что теперь наблюдается явственное смещение в сторону новой действительности, где доминирующая роль будет за городами, женщинами, «диким» (по нашему определению) знанием и эгоизмом, который придет на место эгоизму. А противоборствующие левые и правые уже сейчас постепенно становятся *и* левыми *и* правыми одновременно.

В книге мы предложим некоторые инструменты, установки и подсказки, которые помогут вам освоиться в той новой среде, которую мы считаем нашей современностью. Мы покажем, какие правила игры задают нам цифровые технологии, глобализация и новое понимание успеха — успеха в большом городе.

За нами стоит невидимая армия друзей и коллег. Они поддерживали и подпитывали нас. Без их помощи мы не сумели бы написать этот портрет бесноватой, сумбурной и дикой эпохи, отмеченной доминированием городов и выходом женщин на первый план.

В ГОРОД — НА ЭКСПРЕССЕ

Мы мчимся на экспрессе напрямик в гвалт и ку-терьму большого города. Пепси Длинныйчулок и Мстительница в парандже попадают в Гонконг и Нью-Йорк. Пути незнакомцев пересекаются по случайному стечению обстоятельств. Дикое знание поджидает за каждым углом. Может случиться что угодно. Но как же мы тут очутились?

Опять этот Маркс

Старик Карл Маркс оказался прав. Важнейшие ресурсы для производства теперь целиком принадлежат нам, людям. В наши дни богатеют за счет мозгов, а не физической силы или технического оснащения. Возможно, так было всегда. Но сейчас мы все видим, что именно интеллект служит главным производственным ресурсом для бизнеса. Остальное можно купить. И оно будет таким же, как у всех. Невозможно выделиться тем, что используешь программное обеспечение от Microsoft, сетевую платформу от Huawei или кондиционер от Siemens. За уникальность ответственны вы, я и все наши примерно семь миллиардов сестер и братьев.

Мы живем на кочующей ярмарке. За недолгий срок мы превратили всю планету в один громадный базар. Маркс был одновременно прав и неправ. Коммунизм находится на грани исчезновения. Из приблизительно 200 стран современного мира только Северная Корея идет своим курсом, придерживаясь некой самодельной комбинации коммунизма и религии. А все остальные живут при той или

иной форме капитализма. Мы привыкли называть его рыночной экономикой. Рынок для всего, рынок повсюду. Все рынки без исключения. Вокруг рынков, объединяющих нас в своего рода матрицу торговых связей и взаимоотношений, вертится весь наш мир.

Граучо ошибался. Однофамилец Карла, комик. Говорят, он как-то заметил, что интерес представляют только те сообщества и клубы, в которые вас не пускают. Впрочем, сам Граучо был из той породы людей, которые в принципе не хотят состоять ни в каких клубах. Но сейчас все иначе. Пускают всех — да и выбора у нас нет. Одна система. Одна матрица. По всей планете доминирует одна большая идея, общая для всех, кто не служит культу великого преемника, Ким Чен Ына, и не получает особое удовольствие от шоппинга в Северной Корее. Рыночная экономика — для всех!

Настало время женщин!

Мы ведем друг с другом дела. Мы говорим друг с другом. Мы играем друг с другом.

И никогда раньше столь многим из нас не доводилось проживать такие долгие и вполне сносные жизни. Достаточно взглянуть на данные организаций вроде Human Rights Watch — и картина становится ясна. Никогда в истории так много людей не было поднято — и не поднималось собственными силами — из нищеты, как за последние 30–40 лет. Никогда раньше между странами и внутри них не велось так мало войн, как сейчас. После Второй мировой диктаторские режимы посыпались как домино, и рекордное число государств перешло к демократии того или иного

толка. И хотя нам трудно определить, что именно считать демократией, мы все же в состоянии увидеть четкую тенденцию. Еще в 1970-х гг. в мире насчитывалось всего порядка 40 государств с демократическим строем. Сегодня, по данным Программы развития ООН, более 140 стран (в которых в общей сложности проживает более двух третей населения Земли) заняты построением демократического общества.

По всему миру растет средняя продолжительность жизни, а число детей, рожденных одной женщиной, стремительно падает. Жизнь дольше, детей меньше. Биологии приходится отдавать бразды правления самим женщинам, которые по всему миру получают все больший контроль над своими удлиняющимися жизнями. Было 38/8, стало 80/2. Была короткая жизнь в 38 лет с восемью детьми — стала долгая, в 80 лет, с двумя детьми, а то и меньше. Самая что ни на есть революция.

Женщины выходят из тени. Повсюду. Они начинают обгонять мужчин по уровню образования, причем даже в ряде развивающихся стран. Взять хотя бы ситуацию в Тегеране, где примерно 60% студентов вузов составляют женщины. Свободные, умные и здоровые как никогда, эти 50 с лишним процентов жителей земли готовы придать экономическому и научному квантовому скачку гуманистический характер. Многие указывают на то, что освобожденная женщина, о которой Симона де Бовуар мечтала в своем *magnum opus* 1949 г. «Второй пол»¹ — женщина, которая

¹ Бовуар С. де. Второй пол. — СПб.: Азбука-Аттикус, 2017.

принадлежит самой себе, — медленно, но верно становится реальностью. Половина из всех рожденных сегодня девочек имеет шансы дожить до 100 лет. Леди Гага появляется на публике в прелестном мясном платье, скроенном по последнему слову моды. Мстительница в парандже, анимационная супергероиня из Пакистана, стремительно завоевывает мир. Иранские аятоллы недоуменно оглядываются по сторонам. И на этот раз не похоже, чтобы все сводилось к тому «ответному удару», о котором американская феминистка Сьюзен Фалуди писала в своей одноименной книге (Backlash) начала 1990-х гг., где рассуждала о силах, противодействующих равенству. Теперь женщины всего мира вооружаются знанием, а его, как известно, чрезвычайно сложно отнять силой. Другое дело, что мужчины всего мира все равно будут продолжать цепляться за свою экономическую и политическую власть. Немногие из нас способны добровольно отказаться от привилегий и власти. Посмотрите хотя бы на того, кому в этой жизни не было равных, — кинотирана Харви Вайнштейна, первоисточник движения MeToo.

Если мы обратимся к ресурсу статистической информации Garminder, созданному профессором Хансом Рослингом, светилом Каролинского института в Стокгольме, нам откроется примерно такая же картина. По всему миру экономическое развитие влечет за собой улучшение заботы о здоровье и рост благополучия. Все это идет в тандеме. Конечно, можно спорить о том, что является причиной, а что следствием. Вычленив и осознать причинно-следственные связи в сфере общественных наук порой бывает

так трудно, что на этом фоне астрофизика может показаться чудом простоты. Когда дело касается общества и его развития, нам обычно советуют измерять то, что может быть измерено. Такие нехитрые, внятные показатели, как смертность или число детей на женщину. Если речь идет об экономике, то ВВП и его рост. А природа фактических взаимосвязей зачастую так или иначе остается почвой лишь для обоснованных предположений.

Несмотря на сложности с оценкой и серьезнейшие проблемы, с которыми нам приходится иметь дело — от глобального потепления, доказательства которого вызывают некоторые сомнения, до терроризма, наркокартелей и финансовых крахов, нам впору закатить на своем кочующем базаре грандиозную вечеринку. Отвлечитесь от шоппинга. Оторвите взгляд от экрана. Отложите инструменты на Foxconn, гигантской фабрике — изготовителе электронных компонентов в городе Шэньчжэнь на юге Китая. Мы, люди, совершили квантовые скачки в нашем развитии!

Мы создали блага. Мы продлили свои жизни. Мы убавили страдание. Не для всех. И не равномерно повсюду. Хотя жизнь в любом случае меняется к лучшему у подавляющего большинства (для кого-то этот процесс идет быстрее). В основном это те, у кого изначально все было неплохо. Северная Америка, естественно, сейчас богаче, чем когда-либо. Норвегия выскакивает в стратосферу при каждом новом исследовании благосостояния стран мира.

Богатые становятся богаче. Люди или институты. Принцип тот же. По данным Oxfam International, общественной организации, которая борется с нищетой, восьмидесяти

пяти богатейшим людям мира принадлежит состояние, равное состоянию всей нижней половины населения нашей планеты. Другими словами, 85 богатейших людей имеют столько же, сколько 3,5 миллиарда беднейших! Самые богатые страны становятся богаче, а самые богатые люди — и того больше. Французский ученый — недавно вспыхнувшая суперзвезда экономики — Томас Пикетти принял участие в обсуждении этой проблемы. В своей широко превозносимой и широко критикуемой книге «Капитал в XXI веке»¹ он указывает на склонность к концентрации капитала в руках маленькой группы людей. То прогрессирующее выравнивание уровня жизни, которое наблюдалось в западном мире с 1930-х гг. до послевоенного периода, было скорее исключением. Анализ Пикетти заслуживает рассмотрения. Но вместе с тем капитализм — а за ним и его напарник демократия — в это же время, как два буйных персонажа компьютерных игр, прорывались во всевозможные уголки мира, вытаскивая большее в абсолютном выражении число людей из абсолютной бедности и свергая больше тоталитарных режимов, чем когда-либо раньше.

Нет. Сейчас все не так, как раньше. Мы так сильно поменялись за столь короткий срок. Многие из нас по-прежнему живут с вчерашним представлением о мире — или с тем представлением, которое получили в школьные годы. Мы не можем — а в некоторых случаях и не хотим — увидеть то, что все вместе создали. Но можем поверить данным благословенного профессора Рослинга и его коллег,

¹ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. — М.: Ad Marginem, 2015.

касающимся мирового уровня здоровья населения. Они выиграют в борьбе за наше мировоззрение. Не сегодня, так завтра. Забавно, знание — как упрямый вирус герпеса. Стоит его получить, и будет уже крайне трудно от него избавиться. И еще оно любит распространяться. Нам всем на благо.

Прекрасные скандинавские супермодели

В самом начале, в вагоне первого класса нашего несущегося в будущее экспресса, расположились Скандинавские страны с их столицами — Стокгольмом, Хельсинки, Копенгагеном, Осло и Рейкьявиком. Пять супермоделей. Несколько лет назад *The Economist* — издание не из числа тех, что публикуют льстивые статьи, — назвал Скандинавский регион «Следующей супермоделью». При описании Скандинавских стран подчеркивалось, что эти маленькие государства у полярного круга умудряются на протяжении долгого времени сочетать экономический рост с относительно равномерным распределением доходов. Эти пять стран с общей численностью населения примерно 26 миллионов человек в совокупности представляют собой десятую из крупнейших экономик мира. Пять полуплегких боксеров наносят вместе удар тяжеловеса. *The Economist* отметил, что все пять Скандинавских стран создали щедрую, успешно функционирующую модель благосостояния и при этом сумели основать крепкие компании, способные потягаться с зарубежными конкурентами. В *Global Creativity Index* («Глобальный рейтинг креативности») Швеция сейчас занимает место самой креативной страны мира, и остальные скандинавские государства также

находятся на высоких позициях. Скандинавы — мировые лидеры по умению вести конкурентную борьбу и придумывать новинки. Для полноты картины нужно еще добавить к этому равенство, высокую продолжительность жизни и широко известное датское и финское счастье. Скандинавские страны, по отдельности и вместе, смогли оквадратить круг: мы сочетаем безопасность и сплоченность общества с экономическим ростом. Это иногда считается оксюморонам. Квадратура круга.

Скандинавским странам удается объединять все то, что острейшие умы считали несовместимым. Большую продолжительность жизни. Высокий уровень благополучия. Крепкий бизнес. Сильный государственный сектор. Равенство и высокую рождаемость. Скандинавские супермодели оказываются на вершине практически любого международного рейтинга по социальным или экономическим факторам.

Есть в Скандинавских странах еще кое-что, что служит гарантией нашего успеха. Возможность доверять друг другу. Профессор истории Ларс Трегорд часто указывал на это как на важную составляющую — в том числе в своем авторитетном эссе «Скандинавский путь» (The Nordic Way). Доверие к политикам. И своим общественным институтам. Наивно, возможно, — но эффективно. Развитие обеспечивается тем, что люди заключают между собой соглашения — договариваются о новых сделках, работе или романтических отношениях. Принцип тот же. И доверие друг к другу здесь абсолютно необходимо. Доверие делает нас активнее и поощряет к сотрудничеству. Стоимость транзакции снижается, как сказал бы экономист. Доверие также

наделяет политические институты властью, так как способствует повышению их эффективности. Скандинавские государства отличаются от многих стран и регионов высокой степенью доверия друг к другу и местным институтам.

Пять стран, которые вкуче вмещают лишь несколько тысячных долей населения мира, обосновались в вагоне первого класса. Мы полны надежд. Подобралась хорошая компания. В экспресс поместились все. Больше семи миллиардов. Даже те немногие, кто не хочет ехать с нами. Из вагона аятолл слышатся нестройные возгласы протеста и порой разносится престранная фетва. Но поезд уже отошел от станции. Все на борту. Да начнется веселье.

Общемировая социальная мобильность

Две войны разрывают планету на части. Когда в 1945 г. наступает наконец мир, Европа и остальные части света вступают в беспрецедентную пору социальной мобильности. Поначалу выходит неловко и неуклюже. Взглянув на сегодняшнюю статистику, сложно заметить эти маленькие первые шажки. Но за несколько лет мы проложили курс, которым мир будет следовать семь десятилетий.

Сейчас, оглядываясь на первые несколько лет после окончания Второй мировой войны, мы видим, что наша эпоха формировалась под влиянием двух основных сил. Явление, которое мы теперь называем глобализацией, в сочетании с резким увеличением общего объема знаний полностью преобразовало наш мир. Тысячи тысяч островов стали одной страной. Коммуникация во всех ее формах и проявлениях в корне изменила жизнь каждого из нас. Шахты

в ЮАР и России. Фирмы — разработчики программного обеспечения в Пало-Альто. Женщины в Африке. Мы все ощутили, как коммуникация и интернационализация преобразили условия нашего существования.

Сейчас мы делаем следующий шаг. Знание порождает знание. Коммуникация подпитывает коммуникацию. Все указывает на скорый прорыв. У нас уже есть многое. Но теперь мы получим еще больше. Намного больше. Естественно, движущей силой служат информационные технологии — и последствия их внедрения абсолютно безграничны. Как мы увидим позже, чтобы найти в прошлом нечто, что столь же кардинально изменило основы нашей жизни, нам придется отмотать историю на четыреста пятьсот лет назад.

У глобализации и нашей жажды и возможности исследовать земли и океаны мира есть четкие физические границы. Земля, в конце концов, круглая и не может эксплуатироваться до бесконечности. Кроме того, глобализация встречает сопротивление. Физики назвали бы это силой трения. По всему миру националистические силы учуяли свой шанс. Посмотрите на Дональда Джона Трампа. Нынешнего сорок пятого президента Соединенных Штатов. Спокойствие, только спокойствие. Мы должны прежде всего следить за собой — «America first» («Америка прежде всего»). Президент Трамп и многие другие политики полагают, что с дальнейшим ростом глобализации нам сейчас не справиться.

У знания нет пределов. Знание безгранично. Границы можно охранять. Таможенные сборы можно повысить.

Но любопытство не обуздать и не загнать в рамки. В 1965 г. Гордон Мур, основатель Intel, понял, что то, с чем мы имеем дело, способно прорваться сквозь все мыслимые барьеры. Мур предположил, что количество транзисторов, размещаемых на кремниевой микросхеме, должно расти в геометрической прогрессии. Конечно, это не закон природы. Однако фактический темп роста уже многие годы соответствует этому прогнозу: число транзисторов удваивается каждые два года. Этот закон применим в чисто практическом смысле в конкретных сферах, таких как индустрия компьютерных игр, где важно знать, насколько мощной будет техника на рынке в момент выпуска той или иной игры.

Но видеоигры не сама жизнь (во всяком случае, пока). А именно в мире за пределами видеоигр грядет скачок в такую реальность, которая многим из нас может показаться воплощением научно-фантастического романа. Еще в 2011 г. главный футуролог Cisco Systems Дейв Эванс предсказывал зеттанаводнение. В тот год мы, люди, в общей сложности создали невероятные 1,2 зеттабайта информации (приставка *зетта*- обозначает множитель, равный единице с двадцатью одним нулем). Гигантская цифра — сравниться с ней может разве что бесконечно расширяющаяся Вселенная. И дальше мы будем каждые два года удваивать это и без того фантастическое число. Это информационное цунами порой называют «Большие данные» — так и есть.

Этот информационный взрыв не просто перекраивает карту нашей действительности. Он переиначивает условия

всей человеческой деятельности. Когда канадский профессор и теоретик коммуникации Маршалл Маклюэн в своей книге 1962 г. «Галактика Гутенберга»¹ охарактеризовал современную коммуникацию как расширенное сознание, он оказался почти провидцем — как и во многих других случаях до и после. Наше общество *и есть* коммуникация. *Все* является коммуникацией либо ее отсутствием. Теперь мы знаем, что и мы сами — тоже информация и данные. Спросите любого ученого-генетика, и он вам скажет, что все мы суть физическое проявление кода.

Физикам не привыкать отыскивать самые крохотные кирпичики, чтобы понять, как устроено целое. Физика вся вращается вокруг поисков этих мельчайших составляющих, которые в некотором смысле служат основой всему. В обществе одним из таких базовых кирпичиков является информация и то, как мы ее используем. Когда немецкий изобретатель Иоганн Гутенберг придумал печатный станок, жизнь на нашей планете изменилась навсегда. Впервые в истории стало возможным отделить идею от ее создателя и дать ей широкое распространение. Жизнь до Гутенберга была проще — особенно для власть имущих. Дурную идею можно было пресечь, убив ее носителей. Но машина Гутенберга позволила идеям путешествовать через время и пространство совершенно независимо от своих творцов. Более того, идеи и знания теперь стало удобно хранить. И все это по цене в разы ниже стоимости

¹ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. — М.: Академический проект, 2018.

рукописной книги. Примитивный станок Гутенберга заложил основы науки, образования, просвещения и всего проекта современности.

Прощай, центр!

Медленно, но верно сформировался мир, в котором жесткий, четкий центр окружала четкая периферия. От центра — государства, церкви, университета или писателя — мысли поступали на периферию — к читателям, слушателям и зрителям. Выстроилась иерархическая социальная структура. Центр контролировал информацию. Зачастую лидерам даже принадлежала монополия на нее. Власть сосредоточивалась в центре. Неудивительно, что диктаторы всех мастей питали к информации особый интерес. Без контроля над информацией нет власти. Власть получает тот, кто подчинил себе информацию.

Но вдруг грянуло новое потрясение, и имя ему WWW. Цифровые технологии и Всемирная сеть делают информацию доступной для всех. И всегда. Старая родненькая система разбилась вдребезги. Центр уже не контролирует информацию. Центра больше нет. Все смешалось. Прощай, центр!

Дивная новая машина разрушила принципы, которыми управлялось наше общество со времен Гутенберга. Интернет соединяет всех со всеми и всё со всем. У цифровых данных нет центра. Движение от периферии к периферии. Нет центра, контролирующего информацию, — нет и самого контроля. Берлинская стена пала в 1989 г. А в 2010 г. в Тунис пришла «арабская весна»... А осенью 2017 г. мир

захватил внезапный вирус — фрустрация женщин и их рассказы о домогательствах и насилии. То, о чем во множестве мест говорили шепотом, превратилось в единый глобальный вопль. МЕ ТОО! И тут возник первый и, возможно, самый важный ингредиент того коктейля, который мы зовем Настоящим — и который, как мы увидим дальше, указывает на города.

Текущий страх

Наш мир безопаснее, чем когда-либо раньше. Но стоит взглянуть на нашу действительность сквозь призму абстрактной гиперреальности, именуемую СМИ, как создается впечатление, будто мы живем на планете, где царят страх, ужас и тревога. Криминологи всего мира утверждают, что число тяжких преступлений в городах сокращается. Однако если окунуться в поток информации под названием «новости», тебя тут же затянет в водоворот бомбежек, педофилов, террористов, насилия, убийств и банкротств. Мир вокруг стал безопаснее, но наше внимание привлекают к необычным случаям.

Конечно, роль СМИ в демократическом государстве заключается в том, чтобы отслеживать действия властей и отражать наиболее важные процессы, происходящие в обществе. А если СМИ берутся за что-либо другое, они сразу рискуют превратиться в рупор чьих-то идей. Но репортажи и медиа в мире, захлестнутом зеттановоднением, уже совсем не те, что были в Европе 1970-х, когда в каждой стране работало всего несколько телеканалов и выпускалось по одной крупной газете на город или регион.

Информация была в дефиците. За новостями приходилось охотиться, как за диковинным зверем.

Сегодня на нехватку информации уж никак нельзя пожаловаться. Даже дети малые знают, что у нас теперь обратная проблема. Новые сведения генерируются в таком темпе, за которым мы уже не поспеваем. А за данными нам вообще не угнаться. Кроме того, под напором глобализации стираются границы между странами — вопреки националистам, чьи голоса раздаются и здесь, и повсюду в мире. На сегодняшний день мы оказались ровно в точку пересечения глобализации и неуправляемого потока информации. У многих это вызывает чувство бессилия. Мы не можем контролировать будущее. Конечно, мы и раньше не имели большой власти над грядущими событиями, но хотя бы могли положиться в этом вопросе на Бога. Наконец, во многих случаях нам угрожала какая-нибудь конкретная напасть. Но в наши дни причину страха очень трудно определить. Польский социолог Зигмунт Бауман в одной из своих работ назвал этот феномен текучим страхом. Проект ультрасовременности удлинил нам жизнь и одолел демона невежества. Но на смену ему пришел новый страх, ставший отличительной чертой нашей эпохи. Расплывчатый, неуловимый страх, который, по словам Баумана, идет рука об руку с проектом современности.

Мы боимся. Террористы могут атаковать кого угодно где угодно. Неважно, насколько вы неприметны как цель. Климатические катаклизмы возникают где угодно и когда угодно. Временами ударная волна исходит от взбалмошного рынка, как Наоми Кляйн мрачно констатирует в своем

бестселлере «Доктрина шока»¹. Лидеры стран озадаченно взирают на мир, который хуже, чем когда-либо раньше, поддается осмыслению и прогнозированию.

Тревога угнетает нас. Мы жаждем спокойствия. Но знаток страха, тотемный бог многих икон Голливуда, шведский кинорежиссер Ингмар Бергман знал печальную истину. В своих мемуарах под заглавием «Латерна магика»² он сформулировал первую заповедь страха: «Страх вызывает к жизни то, чего мы боимся».

Война с террором не удалась. Люди винят террористов в том, что они сеют страх. Но что порождает война с террором, если не еще больший страх? Твердый как камень, текучий или витающий в воздухе — тут у каждого будет свое мнение. Каждого второго подростка беспокоят проблемы климата. Но нам всем еще предстоит понять, что Urban Express везет нас не на веселый пикничок. Мы несемся в пронизанный страхом бедлам, где тревожиться из-за чего-то, что мы даже не можем выразить словами, будет для нас так же естественно, как для камня идти ко дну.

Время интеллектуальных авторитетов прошло. Общественных фигур, к которым мы обращаемся с просьбой объяснить реальность, становится все меньше и меньше. Власть политиков в этом плане расшатана, то же можно сказать о медиа и академиях. Эра зеттанаводнения оставляет нам только факты. Только им и только в них мы верим. Это оказывает серьезное воздействие и на экономику.

¹ Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. — М.: Добрая книга, 2015.

² Бергман И. Латерна магика. — М.: Искусство, 1989.

Возьмем такой феномен, как мода. Долгое время определяющими были модные сезоны, но теперь этой системе брошен вызов с двух фронтов. С одной стороны, это та мода, которая развивается как стиль на основе индивидуальности. Ваш собственный стиль. С другой стороны, власть здесь больше не принадлежит торговле. Теперь моду в значительной мере определяют не H&M, Marks & Spenser или Bershka — а другие действующие фигуры, например Кьяра Ферранни, владелица Instagram-аккаунта «The blonde salad» с более чем 600 000 подписчиков. У нее в штате десять человек, и с ней сотрудничают самые известные торговые марки мира. Традиционные авторитеты исчезают во всех областях человеческой деятельности, а на смену им приходят личности с большим числом подписчиков.

От бомбы к бомбе

Наши учебники истории отводят несколько глав «равновесию страха» во времена холодной войны. Пророки апокалипсиса, которые выкапывали противоядерные бомбоубежища у себя на заднем дворе, теперь кажутся смешными чудаками со странными фобиями и в крутых нарядах 1960-х. Мы уже не видим в атомной бомбе и ее современных сородичах ту угрозу, которую видели раньше. Медленно, но верно все то, что не давало спать президентам и снабжало Голливуд отличным материалом для фильмов-катастроф, скрылось за завесой прошлого.

Нашу историю можно рассматривать как постоянную борьбу за свободу и независимость. Мы хотим быть свободными. Свободными делать выбор и влиять на события. Мы

хотим сами определять ход своей жизни. Идеологии приходят и уходят, но наша главная цель остается неизменной. Препон всегда было множество. Но, несмотря ни на что, такие люди, как мать Тереза, Махатма Ганди и Нельсон Мандела, подхватывали и несли это знамя дальше и дальше. И борьба продолжается по сей день. Вспомните про современную Бирму и Аун Сан Су Чжи или про Ай Вэйвэй из Китая.

Сильные, умные женщины и мужчины, которые берут на себя труд освободить нас от оставшихся диктатур и диких идей. Мы даже сумели вырваться из лап всеобщего ядерного ужаса, который было завладел нашей планетой.

Сейчас мы продвинулись как никогда далеко. В мире случился демократический бум. На сегодняшний день в нем насчитывается меньше бандитских режимов, чем когда-либо, даже если в некоторых странах демократия и попирается. Пожалуй, ни в одну другую эпоху нам не удавалось столь четко нацелиться на то, чтобы как можно больше людей, в частности женщин, смогли получить контроль над собственными жизнями и судьбами. Мы ваяем свободу знать, делать, путешествовать и быть. Добавьте к ней мобильность и целую новую галактику, в которой периферия может общаться с периферией в обход центра, и образ будет завершен. Вся информация доступна всем. Где угодно и когда угодно. Мы обрезаем все пути.

Бомба — в умах. Все нынче текуче — не только страх. Когда мы все станем центром для самих себя, что будет ждать нас дальше?

На место атомной бомбы пришла автономная.

Большинство этому рады. Лучше больше свободы, чем меньше. Порой важным шагом может стать даже появление одной только мысли о большей свободе. Женщины в Северной Африке полны надежд. Диссиденты всего мира чувствуют, что настал их час. Неудивительно, что те из нас, кто считает себя лидерами, потянулись за успокоительными.

Город, сила и слава

Мы хотим уехать в город. Мы пакуем вещи и уезжаем из мест, где родились. Так было и раньше. Порой мы возвращаемся, но, как правило, нет. Размах этой миграции поражает. В начале XX в. в городах жило примерно 10% населения мира. Сегодня, спустя 100 с небольшим лет, эта цифра выросла до 50 с лишним процентов. И это только начало. По недавним оценкам специалистов, работающих в рамках проекта Urban Age Лондонской школы экономики, все указывает на то, что в 2050 г. на городских территориях будет сосредоточено более 75% населения мира. Уже сейчас более 80% жителей Латинской Америки обитают в городах. И в Европе, по подсчетам UN-Habitat, 73% населения составляют горожане.

Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Многие говорят, что ничто так не помогло им осознать хрупкость нашей планеты, как первые снимки Земли из космоса. Возможно, это стало лучшим призывом к защите окружающей среды для большинства из нас. Яркий голубой шарик, беззвучно крутящийся в бескрайнем космосе. Быть может, современное фото Земли со спутника окажет на нас схожее

воздействие и даст нам представление о том, насколько сильно наша планета охвачена урбанизацией. Маленькие островки света сияют в океане тьмы. Это места, манящие нас всех с такой колдовской силой. Наши города.

Консалтинговая фирма McKinsey разработала сценарий, по которому порядка 600 городов составят костяк всей мировой экономики. Мы концентрируем жизнь во всех ее проявлениях.

Очень скоро две трети мировой экономики будут зависеть от того, в каком направлении станут развиваться эти города. Даже сейчас один уголок Англии — Лондон — обеспечивает примерно 20–25% ВВП Великобритании и третью часть ее экономического роста. Мегалополисы Москва и Санкт-Петербург находятся в стране, которая вмещает более одиннадцати часовых поясов. И на эти два города вместе приходится около 30% ВВП России. Одна только Москва, по данным исследования, проведенного Брукингским институтом в США, создает более 20% всех товаров и услуг, производимых в стране. Воздействие, которое эта ситуация оказывает на торговлю и политику, просто громадно. В месте, куда мы направляемся, будут, естественно, также сосредотачиваться власть и деньги. Уже сейчас некоторые из крупнейших корпораций мира начинают трансформацию своей организационной структуры с учетом того, что территориями теперь будут считаться не страны, а города. Транснациональные компании становятся трансурбанистическими.

Мэры ряда крупнейших городов мира уже ведут себя так, будто возглавляют государство. За примером далеко

ходить не нужно — Садик Хан в Лондоне. Этот человек, собственным именем и биографией иллюстрируя многообразие современных мегаполисов, представляет значительную часть экономики страны — пусть даже только на бумаге. Уже сейчас города, а не страны соревнуются друг с другом за все — от инвестиций до талантливых людей. Обратите внимание, что столь хорошо знакомая всем нам индустрия, как туризм (которая представляет собой один из самых крупных и быстро развивающихся экономических секторов в мире), все чаще фокусирует внимание именно на городах. Проведите выходные в Париже. Ни слова о Франции.

Цифры, их точность и верность как никогда подлежат обсуждению. Математика и статистика — это языки, и как любые языки они могут трактоваться и пониматься по-разному. Все способы оценки имеют свои недостатки. Однако основной вектор нашего развития, кажется, не вызывает сомнений ни у кого. К лучшему или к худшему, через 15 лет или через 50, но подавляющее большинство из нас так или иначе окажется в городах. Именно там создаются компании и блага. Именно там мы получаем образование. Именно там мы играем и спорим друг с другом. И проживаем свои долгие жизни бок о бок с другими людьми.

Все нацеливаются на города. Всё указывает на города как на нашу среду обитания. Если у нас появляется такая возможность, мы всегда делаем выбор в их пользу. Сельским регионам почти или совсем нечего предложить, что могло бы переломить или изменить эту тенденцию. На сегодняшний день единственное, что могло бы на нее

повлиять, это мировая эпидемия. Микробы — враг глобализации номер один. Но даже пандемия, вероятно, вызвала бы лишь временный провал на графике. Как только бы заразу удалось обуздать, мы, скорее всего, тут же устремились бы обратно в свой обожаемый город.

В недалеком прошлом мир был очень большим. Но когда к 1970-м и 1980-м гг. появились компьютеры и информационные технологии, визионеры тут же представили себе, какие это откроет перед нами возможности. Нам наконец по силам высвободиться из кошмарных географических уз.

Мы больше не привязаны к одному месту. Мы можем работать и учиться где угодно. Жить хорошей жизнью можно в любой точке мира. Нашу планету будут населять цифровые кочевники. Наконец-то мы сумеем найти применение всем этим не особо густонаселенным регионам земли. Города смогут вздохнуть свободнее. Чистый воздух, счастливые дети и превосходная жизнь на севере Финляндии или в австралийской глубинке.

Но случилось нечто иное. Прямо противоположное. Города подверглись такому натиску, какого еще не знавала история. У нас еще никогда не было таких чудесных возможностей для коммуникации. Визионеры ошиблись. Мы хотим хорошей жизни в городах. За последние 30 лет информационные технологии развились так, что недалеко до чудес Гарри Поттера. Всё для всех, когда угодно, где угодно. С картинками. В цвете. И за смешные деньги, а то и вовсе бесплатно. И все это при росте урбанизации.

Дикое знание

Любовь подпитывает любовь. Коммуникация подпитывает коммуникацию. Чем больше мы общаемся, тем больше нам хочется общаться. Мы не стали путешествовать меньше. Мы путешествуем больше. Тому есть масса подтверждений. Мы отсылаем как никогда много электронных писем. Мы как никогда часто летаем на самолетах. Мы хотим знать больше. Понимать. При этом далеко не всё мы можем записать или высказать. Еще в конце 1950-х гг. венгерско-британский химик, экономист и философ Майкл Полани писал о личностном (или молчаливом) знании. Если совсем просто, идея заключается в том, что мы, люди, знаем больше, чем можем выразить. По строгим представлениям самого Полани, это касается не только конкретных областей знания, которые трудно облечь в слова, — на самом деле, все наше знание коренится в личностном знании. Люди являются носителями опыта и познаний, которые невозможно зафиксировать на бумаге, а тем более в цифре. Личностное знание нельзя записать или закодировать иным образом, но тем не менее можно передать. Однако для этого требуется непосредственный контакт и время. Нужно быть вместе. Может, поэтому нас так и влекут города. Город предлагает нам все то, чего *не могут* дать наши обожаемые умные машины. Все то, что, по мнению многих, делает нас людьми, а не просто органическим подобием наших же машин. Все то, что никак не выразишь словами. Это и есть знание, которое профессор Полани называл личностным.

Мы гораздо больше, чем слова в электронном письме, книге или выступлении для TED на YouTube. В нас есть

любовь. В нас есть зло. В нас есть сексуальность. Мы умеем создавать прекрасную музыку. Кем бы мы ни были и чем бы ни занимались, в нас всегда остается намного больше, чем мы можем на данный момент объяснить или записать. И вот тут мы выходим на головокружительную высоту. Наше коллективное знание никогда еще не было столь велико. Прорыв произошел в каждой сфере. Вместе с тем все больше и больше людей начинают подозревать, что знание, которое мы сумели накопить, освоить и сделать частью своего подручного инструментария, не больше крошечного планктона в океане дикого, необузданного знания, которое отказывается быть перенесенным на бумагу и тем более оцифрованным. И возможно, как раз эта масса абсолютно дикого, необузданного знания так влечет нас в города. Современный город кажется чем-то вроде заповедника знаний почище Галапагосских островов. Место, полное дикого — и порой даже прекрасного — знания, которое манит всех нас.

Талант, технологии и толерантность — вот что составляет город нашей эпохи, по мнению американского урбаниста Ричарда Флориды. В современном городе обитает не только дикое знание, но также надежда на лучшую жизнь. Именно здесь мы можем стать теми творческими созданиями, которыми рождены быть. Существует мириад теорий. Причина, по которой произошел крупнейший скачок роста городов в истории — когда к 2006 г. впервые за время существования человечества более 50% жителей Земли оказались горожанами, — до сих пор остается загадкой. Мы просто не знаем, как это объяснить. Но одно

нам точно известно: 2006 г. стал поворотной точкой в истории. Переломным моментом. Города — хит этого сезона. Новая естественная среда нашего обитания. Место, куда стекаются все, невзирая на классовую и половую принадлежность, возраст или сексуальную ориентацию. Трансгендеры и фундаменталисты бок о бок с инуитами и другими представителями коренных народов в общем урбанистическом котле.

Мы, люди, носители разнообразного дикого знания, все ширящимся потоком устремляемся в города, становясь частью урбанистического «первичного бульона». Мешанины. Здесь мы все сходимся и, по воле случая, встраиваемся в новые контексты и отношения с новыми людьми. Здесь встречаются знания, идеи и капитал, которые вместе творят нечто новое. Здесь все берет свое начало.

Ура — и добро пожаловать в мир городов!

ГОРОДСКОЕ ПРАВИЛО №1

Наша жизнь концентрируется в городах